

была и возвышенным идеалом, и трагической в своей глубокой основе проблемой.

Проблемность темы свободы, трагическая сторона проблемы были связаны для Пушкина больше всего с сознанием внутренней несвободы человека, неспособности людей и народов современного ему мира не только бороться за свободу, но порой и просто принять ее. В послании «В. Л. Давыдову», говоря о событиях в Неаполе, Пушкин восклицает с горечью: «Народы тишины хотят, и долго их ярем не треснет...».

И стихотворение, и горькие пушкинские мысли, в нем звучащие, имели конкретное прикрепление. Однако очень скоро они станут для Пушкина не частными мыслями, станут для него родом убеждений, не обязательно связанных с тем или иным конкретным историческим фактом. Так, в стихотворении 1822 г. «В. Ф. Раевскому „Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...“») та же по существу мысль о свободе и несвободе людей, которую мы встречали в послании «В. Л. Давыдову», теперь получает явно обобщенное толкование:

... Я говорил пред хладною толпой
Языком истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.
Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный ...

Это поэтические мысли, а не только поэтические чувства и наблюдения, это поэтически выраженные выводы опыта — опыта социально-исторического и опыта внутреннего, духовного.

Трактовка Пушкиным темы свободы в ее социально и психологически обобщенном и трагическом аспекте находит дальнейшее развитие и заострение в стихах 1823 г. «Мое беспечное незнанье» и «Свободы сеятель пустынный». Стихотворения эти и по своей идее, и по конструкции заметно антиномичны. В основе их композиции лежит знакомая нам по посланию «В. Л. Давыдову» антитеза, только еще более резко выраженная: поэт, которому нельзя без свободы, и толпа, глухая к призывам поэта, равнодушная и даже враждебная его свободолюбию:

...И взор я бросил на людей,
Увидел их надменных, низких,
Жестоких ветреных судей,
Глушцов, всегда злодейству близких.
Пред боязливой их толпой,
Жестокой, суетной, холодной,
Смешон глас правды благородный,
Напрасен опыт вековой.
Вы правы, мудрые народы,
К чему свободы вольный клич!
Стадам не нужен дар свободы,
Их должно резать или стричь ...

Это из стихотворения «Мое беспечное незнанье». Очень похоже, почти теми же словами и с той же трагической иронией, пишет Пушкин в финале стихотворения «Свободы сеятель пустынный»:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.